

18+ АРКАДИЙ МАР

ШЕСКУЧЬИЕ ИСТОРИИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Аркадий Мар

Нескучные истории большого города. Рассказы и повести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51384984

ISBN 9785449831620

Аннотация

В книгу «Нескучные истории большого города» включены рассказы и повести известного писателя и журналиста Аркадия Мара (Нью-Йорк, США). Проза Аркадия Мара проникнута добротой, искренностью и человеколюбием. Увлекательные и трогательные жизненные истории в рассказах и повестях А. Мара понятны и близки нашим современникам и справедливо вызывают самые светлые и тёплые чувства у читателя. Многие работы в книге – о детях и для детей, поэтому будут интересны самой широкой читательской аудитории.

Содержание

Рассказы	5
ГРАНЬ	5
СЕРЕБРЯНЫЕ ТРУБЫ	19
ГЛОБУС	36
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Нескучные истории большого города Рассказы и повести

Аркадий Мар

Дизайнер обложки Ирина Мошкина

Благодарности:

Марина Чайкина

Евгений Скоблов

© Аркадий Мар, 2020

© Ирина Мошкина, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-3162-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

ГРАНЬ

Сложно и путано наврав шефу, Ира отпросилась с работы и вместе со звонком на обеденный перерыв вылетела на улицу. Она крепко прижимала локтем маленькую коричневую сумочку, в которой лежали остро необходимые восемь тысяч триста сорок рублей, три тысячи триста сорок собственно Ириных, а пять тысяч – взятых у Анны Борисовны на пару дней, до зарплаты

Анна Борисовна всегда выручала девчонок, чем могла, и сейчас безропотно выдала деньги, только подняла на Иру выцветшие голубые глаза:

– А зачем столько, Ирочка? Ты же недавно новую шапочку купила...

Ира машинально поправила на голове белую меховую шапку, покрутила на пальце локон, но ничего с ходу придумать не смогла и только махнула рукой:

– Нужно, Анна Борисовна, позарез нужно именно сейчас. А про себя подумала: «Конечно, я дура. Кто же такое дело на последний день оставляет? Не догадалась раньше его спросить. Ну что я сегодня найду, если неизвестно даже, что мне нужно!»

Всю дорогу, стоя в медленном из-за московских пробок, автобусе, Ира размышляла о том же: «Поехать бы сейчас в ювелирный и купить большую медную индийскую вазу. Соответствует дню рождения, будет стоять много лет и напоминать обо мне. Но не попрёт же он вазу домой, там жена...»

Вспомнив о жене, черным пятном заслонявшей светлую и любимую Володину голову, вспомнив всю его жизнь и всю их с Володей жизнь, отношения, прогулки, разговоры и то головокружительное, от чего уже полгода блещут глаза, Ира сначала приуныла, потом ободрилась и решила, что ничего «для дома» покупать не будет. Потом подумала, что дарить предметы одежды тоже скучно и, наконец подъехав к ГУМу, уже твёрдо знала, что ей нужно что-нибудь необыкновенное.

Она выскочила из автобуса и, опережая неповоротливых, по-зимнему одетых прохожих, побежала по скользкому, хрустящему от снежной крошки асфальту.

Ира толкнула замёрзшую стеклянную дверь ГУМа, с удовольствием окунулась в волну теплого воздуха и, предчувствуя удачу, полетела вверх по коротенькому эскалатору.

На втором этаже эскалатор упирался в хвост очереди, струящейся из отдела посуды. На витрине, сияя кобальтом и золотым кружевом, стояли маленькие рюмки музейной красоты. На каждой прилепились крошечные фарфоровые веточки с цветами и листиками. Ире сразу представился какой-то чудесный праздник, например, Новый год. В уютном кресле сидит Володя, держит в руках рюмочку с ликером

и, прищурившись, разглядывает нежные фарфоровые цветы. И вспоминает её, Иру.

«А напротив – продолжил вдруг в её голове кто-то посторонний, – с такой же рюмочкой сидит его...»

«Жена – хорошо это или плохо? – подумала Ира. – Раньше мне казалось, что когда я стану чьей-то женой, то буду доброй, вкусно пахнущей пирожками и вареньем, как мама. А оказывается, жена – это ужасно. Или кто-то делает ее ужасной. Кто? Второй человек? Третий?»

«Вот вам и второй, и третий», – отметила Ира, разглядывая идущих перед ней одутловатого полного мужчину неопределенного возраста и вцепившуюся в его руку молодую девушку в модном берете.

«Господи, ну что она зацепилась за эту дохлую моль? – негодовала Ира, машинально идя за ними. – Ведь ей, наверное, самой совестно и обидно. Я бы на её месте никогда, никогда...»

Ира резко отвернулась и буквально ткнулась носом в большое, в рост, зеркало, которое мгновенно отразило высокую брюнетку в белой меховой шапочке и пальто нараспашку, с гончим выражением лица, круглыми глазами и красными от мороза щеками. Ира засмеялась и незаметно показала зеркалу язык.

– Прекрасный, здоровый язык, – сказали за её спиной. – Образцовый.

И в зеркале над Ирой возникло лицо ее школьной подруги

Ленки Маковой.

– Что бессистемно бродишь? – спросила Макова.

– Я не бессистемно, – ответила отражению Ира. – Я ищу необыкновенный подарок.

– Для молодого человека, – насмешливо уточнила Макова. – Идём!

Она взяла Иру за руку и, возвышаясь над толпой, как колонна, потащила её в отдел мужской парфюмерии.

– Не хочу, – вырывалась Ира. – Не хочу дешёвых одеколонов и крема для бритья. Мне нужен дорогой подарок.

– Он дорогой, – спокойно уверила Макова. – Я уже купила.

Она подошла к прилавку, поговорила с продавщицей, и Ире дали маленькую темно-синюю коробочку и благоухающую тряпочку-образец.

– Французские, – с достоинством произнесла продавщица, лениво жуя резинку. – Для мужчин, которые олигархи. Этот бренд раз в сто лет получаем. Восемь тысяч двести рублей.

Ира взяла в руки изящную коробочку, увидела тисненную надпись «Pozzo di Borgo» с изящной маленькой золотой коронкой сверху и глубоко вдохнула строгий и нежный запах сена, горьких трав и далекий – хвои.

«Пахнет несбыточной любовью», – определила про себя Ира. «Запахи имеют над людьми неожиданную власть, – вспомнились ей строчки из какой-то прочитанной книги. –

Они могут сильно всколыхнуть чувства и часто...»

«Часто он будет вспоминать тебя?» – недоверчиво досказал внутри посторонний голос.

Но Ира топнула на него ногой, расплатилась за покупку и бережно спрятала коробочку в сумку...

...На улице возле «Детского мира» уже наряжали елку. Беззвучная толпа кипела за стеклянными стенами магазина, возле прилавков, блестящих новогодней мишурой.

Володя Ваганов стоял на тротуаре, подставив руку снежинкам, и смотрел, как они медленно падали на его теплую ладонь и таяли, оставляя на коже светлые пятна. Он думал о том, что прокрутил три с половиной десятка лет своей жизни и завтра ему стукнет тридцать шесть, и ещё – что нужно купить ёлку для Сони, через пару дней ёлку уже не сыщешь.

Он вспомнил Соню с красными елочными шарами в руках, опутанную колючей серебряной гирляндой, и как кололись эти шары, когда Соня, смеясь, обхватила его и закружила по комнате...

– Мама, смотри, это Дед Мороз? – звонко спросила маленькая, закутанная до самых ушей девочка, указывая на него варежкой.

Молодая тонконогая мама взглянула на светлую вагановскую бороду, на его дубленку, запорошенную снегом, легкомысленно засмеялась и прошла мимо. Ваганов посмотрел ей в след и подумал, что его лаборантки Катя и Наташа, наверняка уже удрали с работы, – ничем этих женщин не испра-

вишь.

Вдруг из-за его спины появилась рука, ловко дернула его за бороду, и перед Вагановым возникло сияющее Ирино лицо.

– Володя, – сказала она. – Володенька!

Ира легко прижалась головой к его плечу, потом отстранилась, оглядела его, стряхнула с воротника снег и, удостоверившись, что всё в порядке, взяла под руку. Улица привычно повела их вверх, к небольшому ресторанчику на углу...

Они заняли маленький столик у окна, откуда была видна улица. За кружевной занавеской, отделив их от мира, сплошной стеной пошел крупный снег.

Ресторан был еще полупустым и походил на оркестровую яму перед спектаклем, где настраивают инструменты, буднично и деловито, с привычным ощущением предстоящего праздника.

Молодой скучающий официант молниеносно принес их заказ, откупорил шампанское и, обернув бутылку салфеткой, наполнил бокалы.

Ира опустила глаза, посмотрела на свои руки, увидела знакомое кольцо с тремя рубиновыми каплями, которое при желании можно было вполне принять за обручальное, вздохнула и взяла зеленый запотевший бокал.

– За твое счастье, Володенька! – сказала она весело. – Чтобы оно, послушное, было всегда с тобой.

Ваганов заглянул в беспечальные Ирины глаза и спросил:

– Ира, а какое у тебя счастье?

– Ну, какое, – засмеялась Ира. – Чтобы всегда был праздник, везенье, чтобы в тридцать быть, как в двадцать...

– Так я счастливчик, – усмехнулся Ваганов.

«Твои тридцать пять – это твои же двадцать, – вспомнил он вчерашние слова Сони. – Одни надежды впереди».

– А ещё, – сказала Ира, – вот так смотреть на тебя. Целый день, целый год. Ходить с тобой к друзьям, в театры, гулять в осеннем парке... – она положила руку на его запястье и замолчала, отвернувшись к окну...

«Что ты оправдываешься, – отмахнулась Соня. – Эти бесцельные прогулки, друзья, болтовня давно превратили твою жизнь в приятный пустячок».

Ваганов попытался вспомнить, с чего вчера началась их ссора. Обычно Соня избегала объяснений, просто уходила к своему старому, заваленному книгами и расчетами письменному столу, который в шутку называла «полем битвы». Вчера – с чего это началось?»...

– Я люблю тебя, Володенька, – сказала Ира. – И хочу тебе всякого счастья. Ты должен баловать себя... Ну, ты просто для этого создан. Кстати, взгляни...

Она вынула маленькую темно-синюю коробочку, положила перед ним на стол.

– Я, Иронька, живу с удовольствием, – рассеянно ответил Ваганов, поворачивая коробочку и рассматривая золотые надписи на крышке. – Себе не отказываю. Мои тридцать

пять – это мои пятнадцать, А может, пять...

Когда Ваганов посадил Иру в такси, воздух стал уже густо-синим и зажглись фонари, но на улице еще шла бойкая торговля. Он вошел через маленькую калитку в деревянный загончик, где пленной грудой лежали пушистые, волшебным пахнущие елки, выбрал маленькую, с тонким липким стволом, и, аккуратно перевязав, понес домой.

Ваганов прошел через сквер, оплетённый снеговыми нитями, торопливо перебежал дорогу на красный свет и попал прямо в объятия маленького человека в кожаном пальто. – Вовка! – воскликнул кожаный человек. – Здорово! Я тебя ещё с той стороны улицы узнал! Ваганов заглянул под низко надвинутый козырёк щегольской черной кепки и увидел пьяное и счастливое лицо своего старинного приятеля Назарова. – Привет, – обрадовался Ваганов. – Сто лет не виделись! Ну, как ты?

– Хорошо! Отлично! Новый год отмечаем! Друг в Прагу уезжает, так мы решили пораньше. Вон, видишь, наши, – он указал на шумную компанию, рассыпанную у дверей ресторана, – видишь? Уже все готовенькие. Давай покурим пока, – говорил он, вынимая пачку сигарет, – сейчас все подойдет.

Когда-то они учились вместе, на одном курсе, делили весёлые студенческие вечеринки. И хотя жизнь давно отдалила их друг от друга и последние годы Ваганов вообще ничего о Назарове не слышал, сейчас его лизнул шершавый язычок ностальгии и он почувствовал, что рад встрече.

– Рассказывай, как живешь? – спросил он. – Что нового?

– Ну, работаю, конечно, – сморщился Назаров. – Сначала ездил в Питер, в Киев, – это еще при тебе было. Ездил, осваивал, выбирал.

Он глубоко затаился, помолчал и вдруг сказал запальчиво:

– Знаешь, я ведь думал, что-то серьезное получится. И не вышло. Так, всё мелочи...

– Ты и тему бросил? – поинтересовался Ваганов.

– Бросил! – беззаботно отозвался Назаров. – Теперь знаешь на что живу? На тепличках. Теплички у меня маленькие, а навар большой. Образование все-таки биологическое...

– Что ты там выращиваешь?

– Гвоздику. Гвоздика сейчас везде дорогая. А мне деньги нужны.

– Ты что, женился?

– Не женился, – отмахнулся Назаров. – Зачем мне? У меня вон Алина, Милочка... Да и в Москве ещё, я ведь только вернулся.

– В командировке был?

– Да нет, с гвоздикой этой. Восемьдесят коробок повез.

– Ну и как, – усмехнулся Ваганов, – успешно?

– Слушай, – вдруг спохватился Назаров – ты про Ивлева знаешь?

– Виделись осенью в Питере, на конгрессе. Он только докторскую защитил. Вообще, он молодчина, Ивлев, – оживил-

ся Ваганов и вдруг замолчал, поразившись странному взгляду Назарова. – Ты что, Боря?

– Ивлев умер. Две недели назад.

– Что?! – закричал Ваганов. – Сашка Ивлев умер? От чего? В аварию попал?

– От инфаркта. Его до больницы не довезли... Мы уже в том возрасте, Володя, когда спокойно можно умереть от инфаркта.

– Он был младше нас, – машинально поправил Ваганов. – Он с Соней учился.

– Да, – сказал Назаров. – Кстати, как Соня?

– Нормально. Много работает.

– Диссертацию защитила?

– Давно.

– А как тебе с ней живется? – поинтересовался Назаров и вдруг закричал: – Милочка, Мила!

И побежал навстречу тонкой, как свечка, блондинке, выходящей из дверей ресторана.

– По разному, – ответил сам себе Ваганов...

«Я не люблю тебя», – сказала вчера Соня.

Вот с чего началась их ссора.

Так получилось, что вчера он возвратился домой только под утро. Да, последнее время он как-то закрутился: командировки, деловые встречи, эта Ира... После того, как года три назад он с блеском разделался с ферментами, наступил тупик. Дальше нужно было двигаться ошупью, наугад. Нуж-

на была новая большая идея, беспроигрышная, обеспечивающая успех. Вся его жизнь состояла из больших и маленьких побед. Он старательно отвоевывал у жизни эти победы, потому что знал: случись ему серьёзно проиграть – и он не встанет.

Сегодня он вдруг почувствовал, что вышел из формы.

Утром мальчишка Асеев поразил его своей моделью действия ферментов. Он доброжелательно разгромил Асеева, но запомнил поблескивающую в его робком предложении золотую жилку.

«Группа у меня хорошая – подумал Ваганов. – Каждый из них мог бы самостоятельно работать. Нет, не мог бы, – ему вспомнилось неуверенное лицо Асеева, – ответственности боятся. Они разрабатывают, исполняют, а отвечать боятся. Они на мне стоят. А я дело знаю. Но все-таки Соня права: мои тридцать пять...»

Он вдруг вспомнил события десятилетней давности, годы аспирантуры – как гнал с утра до позднего времени и как дрожали его руки от азарта, когда эксперимент подходил к концу. И ещё – сумасшедшее ощущение молодости: сознание, что всё может.

«Соня ошиблась, – снова подумал Ваганов, – мои тридцать пять – это, пожалуй, мои шестьдесят, а то и больше»...

Скользя по накатанному асфальту, к нему опять подбежал Назаров.

– Володя, – безоговорочно закричал он, – едем с нами!

Сейчас катим к Алине, подхватываем еще Милочку. – Он помахал ей рукой. – Девица – прелесть. Ночь протанцуем, а утром, – он мечтательно потянулся, – в горы, на лыжах кататься! А потом... ну, потом видно будет.

Ваганов глядел в его смеющиеся глаза, и ему вдруг нестерпимо захотелось домой.

– Не могу, – печально соврал он. – У меня Соня болеет.

– Тогда конечно, – послушно опечалился Назаров, – против Сони я ничего не могу. Передай ей, пусть поправляется... Эх, если бы у меня была такая Соня, – вдруг вздохнул он, – и я был бы на твоём месте...

Ваганов неожиданно почувствовал жалость.

– Слушай, – сказал он. – Ты что это, серьёзно – с гвоздикой? А то иди ко мне работать, вместе что-нибудь сообразим.

– Нет, – убито отозвался Назаров. – Знаешь, у каждого человека есть грань. Грань между молодостью, когда можешь всё, и зрелостью, когда втиснут в одну-единственную колею и в твоей воле изменить только скорость. И дорога назад загромождена прошлым. Начать сначала надеется только дурак, а я не дурак, – говорил он, постепенно воодушевляясь. – Я деловой человек. И удачливый, – закончил он, уже вполне довольный собой.

«Верно, – подумал Ваганов, – у каждого человека есть грань. Я дошёл до неё, занес ногу над чертой и не шагнул никуда...»

...До дома оставалось пол-остановки. На углу Ваганов за-

держался возле усатого грузина, еле натянувшего на добротное пальто потрёпанный белый халат. Грузин одаривал покупателей порциями золотистых мандаринов. Женщин он ещё одаривал бесплатной огненной улыбкой.

«Идеальный вариант коммерции», – подумал Ваганов, распахивая по карманом купленные мандарины. Грузин посмотрел на него скучным взглядом и улыбаться не стал.

Ваганов шел быстро и представлял, как обрадуется Соня ёлке, как в суматошных новогодних праздниках растают недоразумения и ссоры последних дней. Снег всё кружился и кружился, выбеливая асфальт и темные деревья, принося странное успокоение и надежду.

– Всё наладится, – говорил себе Ваганов, сворачивая во двор. – Не станет больше пустоты в этой жизни, уходящей без следа между пальцами...

«И счастье, послушное, будет всегда с тобой, – вдруг вспомнились ему Ирины слова. – Ты должен жить с удовольствием, баловать себя... Ты просто для этого создан...»

Ты для этого создан?!

Ваганов остановился, прислонился к стене дома.

Он поставил елку в снег и закурил, прикрывая ладонью сигарету от мокрых снежинок... Покуриив, постоял ещё минуты три, вдыхая легкий морозный воздух, потом сунул руку в карман, нащупал маленькую тёмно-синюю коробочку, Ирин подарок – и, размахнувшись, забросил ее далеко в снег...

Сони дома не было. Одежный шкаф в прихожей, почему-то был открыт и пуст. Ваганов прошел через комнату в кухню, удивленно отметив в квартире какой-то неожиданный беспорядок. В темной кухне остро пахло молотым кофе.

«Типично лабораторная привычка пить кофе вечером, чтобы поработать еще час-другой», – вслух подумал Ваганов, включая свет и ставя на газовую горелку чайник.

Он вымыл руки, выложил мандарины в красивую, привезенную из Юрмалы плетёнку, поставил её на стол.

На столе лежал лист бумаги с четкой Сониной скорописью. Ваганов быстро пробежал его глазами, потом сел и медленно перечёл ещё раз.

Несколько минут он сидел и молча смотрел на этот лист, затем встал и высыпал мандарины в холодильник, на замёрзшую морковь.

Постоял у окна, барабанил пальцами по стеклу.

За окном небо стало чистым, снег наконец кончился, и по пустому двору, по крышам, по земле, уходя в бесконечность, тянулась голубая снежная дорога.

СЕРЕБРЯНЫЕ ТРУБЫ

Тень распласталась по шоссе, неестественно большая, вытянутая, – его собственная одинокая тень. Лишь она была сейчас рядом, вместе с ним кувыркаясь по пыльной бетонке.

Комраков оторвал руку от руля, передвинул рычажок переключателя. Цепь вжикнула, перескочила на другую звездочку. Прошло, наверное, больше двух часов, как, бросив пелетон, он в одиночку ушел вперед.

Грязно-серая бетонка скучно тянула прямо и прямо, потом заползала на невысокие холмы, спускалась обратно на равнину и устало истаивала в маленьком городке у самых гор. Густой тяжелый воздух поднимался от нагретой бетонки. Комраков ловил его широко раскрытым жадным ртом, но надыхаться не мог. И, наверное, от этого сердце стучало часто-часто, отдаваясь в висках.

Комраков завёл руку за спину, нащупал в кармане майки пластмассовую фляжку, отвинтил крышку и припал губами к тёплой безвкусной воде. Потом потряс фляжку и, сдернув шапочку, плеснул остатки на голову. Теплые струйки медленно поползли по шее, вниз, он почувствовал, что стало неожиданно легче.

Комраков опустил голову. Тень под колесом съёжилась, сделалась меньше.

– Тебе тоже жарко? – спросил у неё Комраков.

Он привык говорить с тенью, беседовать с ней о прошлом, настоящем, о жизни вообще. Комраков вдруг вспомнил, как в первой своей многодневке, в Крыму, совсем салагой, восемнадцатилетним пацаном, ушел в отрыв с Чернецким – опытным, повидавшим многое гонщиком.

– Ты, Витёк, говори с тенью, – облизывая пересохшие губы, прохрипел Чернецкий, когда, танцуя на педалях, раскачивая велосипеды из стороны в сторону, они карабкались на отвесный подъём, а уши от высоты закладывало ватой. Говори с ней, – задыхаясь повторил он. – Это спасает от одиночества, спасает, когда оторвешься от пелетона. Говори о чём хочешь, и не будет у тебя желания перестать горбатиться, бросить все к чёрту.

После той многодневки Чернецкий ушёл из спорта. Потом прошел слух, что он преподаёт физкультуру где-то в Брянской области. А полгода назад Комраков вытащил из почтового ящика конверт. Незнакомым ему почерком был надписан странный адрес: мастеру спорта международного класса Виктору Комракову. И, вскрывая конверт, Виктор почувствовал, как ему приятно. Вот, не знает отправитель ни названия улицы, ни номера дома, а письмо дошло.

Письмо было от Чернецкого. Писал он, что организовал велосекцию, есть способные ребята, просил прислать однотрубки, еще кое-какие части, которых в Брянске днем с огнем не сыщешь. Но Комраков торопился тогда на сборы, а когда вернулся, листок с адресом куда-то затерялся, и Вик-

тор так и не ответил.

Я не виноват, утешил Комраков сам себя. Я очень занятой человек. Профессионал. Профи. И нужно брать от жизни все, пока ценят, пока нужен. В ласковой улыбке председателя Спорткомитета он, Виктор Комраков, ясно видел, что похож на курицу, несущую золотые яйца: медали, зачетные очки, престиж руководителей. Чёрт с ними, пусть он будет такой курицей. И нужно брать от жизни все, пока его ценят, пока нужен.

Но возникла вдруг в памяти чёткая, как на экране телевизора, картинка: удаляющийся с каждым мгновением всё дальше и дальше пелетон, а он, Виктор Комраков, сидит, размазывая злые слёзы, на обочине шоссе. Сжимает руль велосипеда с проколотой однотрубкой и напрасно ждет пропавшую куда-то техничку.

И новая картина: Чернецкий, отдающий ему свою машину. Что Чернецкий тогда ему сказал, помогая затянуть ремешки на педалях и подталкивая под седло? Конечно, что-то сказал. Но Витьке нужно было догонять пелетон, и он плохо расслышал.

Он все-таки догнал пелетон и отчаянным спуртом на финише выиграл гонку. Потом отвечал на глупые вопросы очкастой девушки-корреспондента. Нет, он помнил, конечно, кому был обязан победой, искал Чернецкого, но искал, видимо, плохо, потом завалился пораньше спать, а утром удивленно узнал, что Чернецкий сошёл с многодневки и уехал.

И один из тренеров в разговоре, понимающе кивнув головой, объяснил:

– Почувствовал, что не тянет. – Затем добавил, – ведь Чернецкому тридцать один. Пора сходить...

И опять пришла мысль, которую Комраков гнал от себя – что ему скоро тоже придется заканчивать. Все эти гонки, многодневки, всё, чем он жил до сих пор – всё останется позади, и наступит другая, неведомая жизнь, жизнь, в которой всё пойдет по-другому.

В октябре ему исполнился тридцать один, и он боялся минуты, когда тренер, старательно отводя взгляд, назовет состав на очередную гонку, а его фамилии не будет в списке. Потом, в коридоре, подойдет заменивший его гонщик и, плохо скрывая радость, скажет:

– Извини, что так получилось.

И страх перед этой минутой заставил его ещё ниже пригнуться к рулю, сильнее вдавить ноги в педали...

Послышался приближающийся звук мотора. Комраков обернулся, увидел ярко-оранжевый мотоцикл. Через минуту мотоцикл поравнялся с ним, и сидевший сзади парень в клетчатой ковбойке крикнул:

– Плюс две семнадцать!

Две минуты семнадцать секунд выигрывал он у пелетона.

Пестрый столбик мелькнул сбоку, остался за спиной, километровый столбик – крошечный маячок, указывающий

путь...

Последнее время Комракову не очень везло, будто птица счастья, часто выбиравшая его до сих пор, упорхнула куда-то. И не сказать, что он плохо подготовился к сезону: тренировался, как обычно, зимой в зале накрутил достаточно на велостанке, попотел изрядно со штангой и кроссы набегал. Но чувствовал, чувствовал, что новый старший тренер как-то без уважения, что ли, смотрит на него. Эх, старший тренер, старший тренер!

Комраков поинтересовался в Спорткомитете, что это за человек, откуда приехал. За свою многолетнюю кочевую жизнь Виктор знал почти всех, кто что-то значил в велосипедном спорте, но Андрея Сергеевича Брыкина не встречал.

– Из Архангельска он, – пояснил Комракову знакомый чиновник из Спорткомитета. – Его документы как раз оформлял. Послужной список у него хороший, но мужик, говорят, крутой... Да что ты волнуешься, разве мы тебя в обиду дадим? Ты же незаменимый!

Тренером Брыкин оказался знающим. И вроде мельком приглядывался к гонщикам, а совершенно точно угадывал, кто в какой форме.

– Зайди ко мне! – бросил он однажды Виктору после тренировки и прошёл в свой крошечный кабинетик.

Комраков не спеша обтёр полотенцем потное лицо и направился туда же.

Брыкин, склонившись над столом, вычерчивал трениро-

вочный график. Потом произнёс, чётко выговаривая каждое слово:

– Как думаешь, пора омолаживать команду?

– Думаю, не нужно! – тоже подчеркивая каждый слог, ответил Виктор.

Тренер довел тонкую паутинку линии почти до края большого листа ватмана, выпрямился, как бы со стороны полюбовался на свою работу и сухо сказал:

– Спасибо. Можешь идти.

Комраков чуть потоптался на пороге, будто ожидая, что его остановят, вернут и вышел из тренерской.

Потом быстро переоделся, поехал на такси домой. Расплатившись с водителем, посмотрел вверх, нашел на седьмом этаже свои окна. Они светились ровным розовым светом. Виктор вошёл в подъезд и, поджидая лифт, нащупал в кармане куртки два ключа, соединенные колечком

Два ключа. Один от обычного стандартного замка, врезанного в дверь еще при сдаче дома строителями. Другой – с затейливой нарезной головкой, купленный в маленькой лавчонке возле старинного собора во французском городе Авиньоне.

Ключи эти Комраков всегда носил с собой: горбаться на тренировках или вися на педалях в горах, когда отвесный склон, кажется, опрокидывается на тебя, ощущал их легкую тяжесть в кармане веломайки. Ключи от тяжело заработанной двухкомнатной квартиры, где сейчас его жена, Света,

выкуривая сигарету за сигаретой, сидит перед телевизором. А может, включив стереосистему, дремлет в кресле с наушниками на голове...

Со Светой его познакомил Вазген, знакомый мастер из автосервиса. Однажды Комраков пригнал свой «жигулёнок» на профилактику, и пока Вазген, открыв капот, возился с мотором, Виктор между делом похвастался, что привез с последней международной велогонки японский видеомagneфон и, наконец-то, Спорткомитет пробил ему квартиру в новом доме.

– Ну, вы, спортсмены, живете, – завистливо отозвался Вазген. – Месяцами по загранкам мотаетесь... Послушай, продай видик, а? Себе другой привезёшь.

И когда Виктор согласился, на прощание вдруг сунул ему сложенный листок с шестизначным номером.

– Скучать будешь – позвони. Девушку Светой зовут. Хорошая девушка, потом спасибо скажешь.

Однажды вечером Комраков набрал этот номер...

Виделись они часто, катались на Витькиной машине по окрестностям, Света водила его на какие-то концерты и выставки, хотя Комракову на них было отчаянно скучно. Уезжая на сборы, он стал оставлять Свете ключи от своей квартиры. Потом они поженились.

Мотаясь по соревнованиям, он часто звонил ей по межгороду, терпеливо ждал, пока задёрганные телефонистки восстановят все время рвущуюся связь. И, чувствуя себя вино-

ватым за долгие отлучки, привозил ей дорогую косметику, шмотки, сувениры.

Но в каждое короткое возвращение разговаривали они все реже и реже. А ночью, сославшись на головную боль, Света поворачивалась лицом к стене, и так, в темноте, они долго лежали молча, старательно притворяясь, что спят...

...Это был его шанс! Он оторвался от пелетона на две минуты семнадцать секунд, и нужно было сохранить разрыв!

Пока он чувствовал себя хорошо. Вверх-вниз! Вверх-вниз! Снуют, как челноки, ноги, равномерно крутят педали, и велосипед, послушный его воле, летит по этой уходящей вдаль бетонке...

Раз в музее, куда он забрёл, чтобы убить случайный свободный день, Комраков увидел картину. Густое синее небо соприкасалось на горизонте с красноватой землей. Между невысокими пологими холмами узкой лентой вилось пустое шоссе. А на переднем плане закладывал отчаянный вираж человек-мотоцикл. Плавные обводы мотоцикла переходили в мускулистую обнаженную человеческую грудь, красивая голова гордо сидела на крепкой шее, развевались длинные чёрные волосы, и, казалось бешено стучали два сердца – человека и мотоцикла.

Комраков наклонился, прочитал название картины: «Кентавр».

Этот человек-мотоцикл ему потом почему-то очень долго

снился. А сейчас, на трассе, неожиданно пришла мысль, что он, Комраков, тоже похож на кентавра. Только с одним сердцем в груди. И бешено несётся туда, где на самом горизонте густое синее небо соприкасается с жаркой красноватой землёй. Перед ним пустое шоссе, только кувыркается и прыгает его собственная неотстающая тень...

Звук мотоциклетного мотора сначала был похож на комариный писк, потом стал гуще, гуще, раздался рядом, и тот же парень в ковбойке крикнул:

– Одна сорок четыре!

Значит, пелетон отыграл у него тридцать три секунды.

Комраков хорошо знал, что происходит сейчас в пелетоне. Каждые несколько минут из туго сбитой группы выстреливал велосипедист, чтобы, отработав изо всех сил свой отрезок, уступить место другому, а самому перевести дух, отдохнуть за спинами передних. Только он не может отдохнуть ни за чьей спиной. Нужно терпеть. Терпеть!

Терпеть Комраков умел. И когда в детстве лупил его второгодник Кислицын, лупил совсем ни за что, просто так, от скуки. Дожидался, пока закончатся уроки, а потом вел Витьку за школьные мастерские и бил. Витька стоял молча, закрывал только голову, а, потом, пересиливая страх, кидался на Кислицына, неуклюже размахивая длинными руками.

И, может, из-за этого сопротивления Кислицын отстал.

И потом, когда впервые пришёл в велосекцию и долго, умоляюще глядя на тренера, упрашивал принять его, а тре-

нер, презрительно оглядев малый Витькин рост и страшную хилость, наотрез отказал. Но Витька, мечтая о гоночном велосипеде с рогатым рулем, шикарно обмотанным голубой изоляционной лентой, приходил в секцию каждый день, пока тренер не согласился.

– Хорошо, – сказал он, – Проедешь двадцать километров – приму.

И Витька поехал.

На середине пути ему показалось, что сердце сошло с места, поднялось вверх, прямо к горлу, и встало там, сумасшедше пульсируя, вбирая весь воздух, который он часто-часто хватал широко раскрытым ртом, как рыба, выброшенная на берег.

Тренер медленно ехал за ним на мотоцикле с коляской, иногда обгонял и заглядывал Витьке в глаза. И, может быть, заметил, что в них стоит гоночный велосипед с рогатым рулем, шикарно обмотанным голубой изоляционной лентой.

И Витька доехал...

Потом каждый вечер аккуратно ставил старенький будильник на полшестого, заставлял просыпаться свое невыспавшееся тело. Ёжась от утренней прохлады, бежал по пустынным улицам, держа направление к трамвайному парку. И когда подбегал, то видел, как из широко распахнутых ворот, позванивая, медленно выезжает первый трамвай.

Может, от этих каждодневных пробежек Витька здорово окреп, возмужал, мышцы его налились силой. И, нако-

нец, однажды, получив долгожданный гоночный велосипед, он тщательно обмотал рогатый руль голубой изоляционной лентой...

...Похожая на молчаливую, хорошо обученную собаку, его тень бежит рядом, не отставая и не забегая вперед. Верный пес, которому можно всё рассказать.

Сегодня в гостинице он проснулся очень рано. И, ещё не успев поднести руку с часами к глазам, понял, что больше не заснёт. Рядом, на соседней кровати, по-детски свернувшись калачиком, посапывал Алишер Юлдашев, лишь в этом году пришедший из молодёжной сборной. Как хвост ходил он за Виктором, называя его уважительно по отчеству – Палыч, задавал бесчисленное множество вопросов. Иногда Комракову это надоедало, он хотел шугануть пацана, но темные раскосые азиатские глаза смотрели на Виктора с такой преданностью, что он оттаивал и продолжал учить пацана велосипедному уму-разуму.

«Надо же, пушкой не разбудишь», – с завистью подумал Комраков, ещё раз взглянув на Алишера.

По многолетней привычке он всё-таки закрыл глаза, повернулся на правый бок, расслабился. Он старался не думать ни о чём, даже об утренней гонке, даже о позарез нужной победе. Ну, пусть даже не о победе, пусть о тройке призеров, – и это он бы счёл огромной удачей. И ради этого сейчас ему обязательно нужно уснуть, чтобы хватило сил для рывка, чтобы он смог пройти эти сто восемьдесят семь километ-

ров с первого до последнего метра.

Этот задуманный им рывок – невозможный, против всяких правил, в начале дистанции, в одиночку – будет, надеясь он, принят пелетоном с насмешкой и полным безразличием, и в этом был его шанс уйти как можно дальше, оторваться, отгородиться зыбкими двумя, тремя минутами, а там терпеть, терпеть, терпеть. Стиснув зубы, терпеть.

Старый конь борозды не портит, вспомнилась пословица, и Виктор криво усмехнулся, потом сосредоточился, задержал дыхание, вслушался, всмотрелся в себя. Сердце упругими толчками гнало кровь по тугим венам сильного тела, прекрасно тренированные мышцы ног были, как мощный аккумулятор, заряжены энергией. Ничего, он пройдет эту гонку нормально. Он чувствует это. Знает. И докажет: рано, рано списывать его на пенсию. Его, Виктора Комракова, старого коня.

Виктор встал с кровати, осторожно отворил дверь, вышел на балкон. Уже рассвело, но горели еще не погашенные фонари. Перед соседней девятиэтажкой виднелся большой щит с зазывной надписью: «Только в кинотеатре „Салют“! Итальянский двухсерийный художественный фильм „Трагедия перед свадьбой“». И ниже, оранжевыми буквами: «Без права показа по телевидению».

– Трагедия перед свадьбой, – повторил тихо Комраков...

Как раз перед свадьбой он выиграл престижную гонку, и сам председатель Спорткомитета неожиданно позвонил

Виктору домой. Поздравив с победой, поинтересовался:

– Слышал, собираешься жениться?

После утвердительного Витькиного ответа предложил:

– В ЗАГС поедете на моей «Волге». Ничего-ничего, пусть видят, как мы уважаем наших героев. Там ребята тебе сюрприз приготовили. Только смотри, Комраков, не зазнавайся.

Черная «Волга» председателя Спорткомитета повезла их со Светой в ЗАГС, вдруг притормозила на соседней улице, и изумленная и радостная Света дёрнула Виктора за рукав:

– Ой, смотри!

Разноцветная кавалькада велосипедистов мгновенно пристроилась к машине. Виктор узнавал знакомые сияющие лица товарищей, и ему было приятно и весело...

– Палыч! – Алишер просунул в дверь стриженую голову, просительно произнес, – на завтрак уже два раза звали.

Комраков резко обернулся, провел рукой по лицу, словно отгораживаясь от посторонних мыслей, и переваливающейся походкой велосипедиста вышел из номера.

Сейчас он плотно поест, потом дотошно проверит велосипед, разомнётся – будет делать всё то, что положено делать перед стартом, что привык делать много лет, делать тщательно и хорошо...

Комраков чуть повернул голову, бросил быстрый взгляд через плечо. Пелетон настигал его, приближаясь с каждым мгновением. Сейчас караван вёл гонщик в желтой майке с поперечной красной полосой.

– Серега Арефьев, – механически отметил Виктор. – Ишь как старается!

И, пытаясь отдалить минуту, когда его догонят, перехватил удобнее рогатый руль, еще сильнее вдавил ноги в педали.

Это от отчаяния. Он понимал это хорошо. В любом случае пелетон его догонял, и можно было уже не бороться.

Но что-то мешало ему сдаться. Может, то, что за свою спортивную жизнь он столько раз приходил к финишу первым. И, как бы не было тяжело, внутри него всегда пели серебряные трубы победы.

Сейчас же он не чувствовал ничего. Усталость навалилась ему на плечи, сделав их чугунными, вдавливала в седло, отнимала последние силы...

...В тот вечер Комраков открыл дверь в квартиру и вошел в прихожую – маленький тамбурчик, как он его окрестил, на стены которого повесил цветные фотографии розовых птиц фламинго, паривших, поджав длинные тонкие ноги, над каким-то синим африканским озером.

Виктор наклонился, расшнуровал кроссовки, стянул носки и, с наслаждением ступая горящими после тренировки ступнями по прохладному полу, прошел в комнату.

Света сидела в кресле перед телевизором и курила, изящно стряхивая пепел в хрустальную пепельницу. Обернувшись, кивнула Виктору, скороговоркой произнесла:

– Не знала, что сегодня появишься, поэтому извини, ничего не успела приготовить.

Она наклонилась к телевизору, прибавила звук.

Полная женщина в очках, до этого тихо бубнившая что-то с экрана, вдруг оживилась и с подъемом произнесла:

– Весь последующий фрагмент разработки, основанный на сплошном движении шестнадцатыми, очень характерен. Это лишь воспоминание, скользящее и исчезающее. Тем самым подчёркивается весь смысл адажио, как поэмы душевного отдыха. Реприза удаляет последние остатки тревог...

Она на секунду остановилась, и Виктор быстро выдернул шнур из розетки.

– Я же смотрю, – сказала Света.

– Что ты смотришь?

– Передачу.

– Это не передача, а полный бред.

– Много ты понимаешь!

Виктор почувствовал, как в нём закипает злость.

– Почему в последнее время мы не можем ни о чем поговорить? – стараясь оставаться спокойным, спросил он. – Ты весь вечер или смотришь какие-то дурацкие передачи, или цепляешь на голову наушники и балдеешь под музыку!

Света коротко затянулась, нервным движением поднесла сигарету к пепельнице, но серая кучка сгоревшего табака упала на журнальный столик.

– Из-за тебя, – вдруг сказала она. – Всё, всё из-за тебя. Всё тебе не нравится, всё не так... О чём с тобой говорить, если ты неделями дома не бываешь, мотаешься где-то...

– Это же моя работа! Сборы, тренировки, соревнования.

– Тренировки, соревнования, – повторила Света. – У всех мужья как мужья, каждый вечер домой приходят. Кому нужны эти твои колеса, рули, педали?!

– Ты же знала, когда выходила замуж, что так будет.

– Ну и дура была. Не нужно было выходить!

– Не нужно было выходить, – сквозь зубы повторил Виктор.

И, чтобы не ударить её обиженное, злое лицо, круто повернулся, осаживая задники, сунул босые ноги в кроссовки, шагнул на лестничную площадку и изо всех сил захлопнул за собой дверь.

Уже выйдя из подъезда, он заметил, что забыл ключи, хотел вернуться, но, махнув рукой, возвращаться обратно не стал. Несколько дней он ночевал на спортивной базе, а потом улетел на эту гонку...

Пелетон догнал его. Не сбавляя скорости, гонщики объезжали Комракова справа и слева. Он видел их пропотевшие, в пятнах выступившей соли майки. Искажённые азартом борьбы лица. Ноги, челноками снующие вверх-вниз. Он слышал, как оглушительно гремят этим парням серебряные трубы победы.

Потом он разогнул затекшую спину, переключил передачу и перестал крутить педали. Велосипед, постепенно теряя скорость, по инерции проехал ещё несколько десятков метров и остановился.

Виктор наклонился, расстегнул ремешки, тяжело слез с седла. Он ничего не чувствовал сейчас. Усталость ластиком стёрла все чувства.

Комраков отвёл машину к краю шоссе, сел на обочину. Оглянулся, заметил растущую рядом одинокую травинку. Сорвал, сунул в сухой, запёкшийся рот и почувствовал ее терпкую горечь.

От удаляющегося пелетона отделился гонщик, подъехал к нему. Комраков узнал Алишера.

– Палыч, что случилось? – испуганно спросил он. – Одно-трубка прокололась? Возьмите мой велосипед.

Комраков отрицательно мотнул головой и отвернулся.

Потом посмотрел, как Алишер, набирая скорость, понёсся вперед.

И вдруг отчетливо вспомнил слова, которые когда-то, отдавая свою машину, прошептал ему Чернецкий:

– Езжай, парень. Серебряные трубы гремят для тебя...

ГЛОБУС

Виктор Голованов, двадцати восьми лет, актер второй категории, стоял за правой кулисой и ждал. До того, как он войдет в ярко освещенный прямоугольник сцены и произнесет монолог, оставалось еще минут пять.

Виктор прислушался, как Серафима Степановна и Леночка – мать и дочь в репетируемой новой современной пьесе вели скучноватый диалог о современной молодежи. Потом осторожно посмотрел в зал. Он был тьмен и пуст, только в проходе, возле седьмого ряда партера, стоял маленький столик Германа Васильевича. Возвышавшаяся на столике лампа под красным металлическим абажуром бросала желтое пятно на страницы с текстом пьесы и на нервно сплетенные пальцы главрежа.

Главным режиссером театра Германа Васильевича назначили всего несколько месяцев назад, и первым делом он пробил идущие в столице, но не разрешаемые к постановке в их городе пьесы. И средства выбил на обещаемый уже лет десять ремонт.

У Виктора было прекрасное настроение. Перед репетицией он узнал, что из-за болезни Пал Палыча сегодняшней вечерней спектакль заменили другой пьесой, в которой он не участвует.

И, во-вторых, Стэлла всё-таки согласилась встретиться

с ним Новый год.

Нет, вечером он должен быть в форме. Что это он, чёрт возьми, волнуется? Всё будет как обычно. Возьмет гитару, хриплым голосом «под Высоцкого» споёт несколько песен, прочитает что-нибудь из Есенина, Пастернака, Мандельштама – свой всегдашний обкатанный репертуар.

Да эта Стэлла особенно и не нравилась ему. Но раз оказалась такой гордячкой, то, конечно, он просто обязан ее обломать. Кто может устоять перед его обаянием! Виктор, с удовольствием, вспомнил свои многочисленные победы над прекрасным полом и улыбнулся. Недаром друзья придумали ему прозвище «Охотник». И шутили, что охотится он на самую прекрасную дичь в мире...

– Рыцарей, к сожалению, больше не осталось, – возвысила голос Серафима Степановна, – они вымерли, как мамонты.

После этой реплики был его выход, и Виктор шагнул из-за кулис.

– Вы ошибаетесь, – гордо произнес он. – Я рыцарь. Я всегда вступаю за честь женщины. Слагаю для неё прекрасные стихи, стою долгими ночами под её балконом. Стираю, глажу, мою полы, хожу по магазинам, готовлю обеды, ужины и завтраки. Потому что женщина должна быть предметом поклонения. А можно ли поклоняться женщине, стирающей пододеяльники и носки или шинкующей капусту и жарящей котлеты.

Виктор остановился, принял эффектную позу и потянул

паузу.

«Буду я шинковать капусту и стирать пододеяльники, – весело подумал он. – Ждите».

И продолжил:

– Я дарю женщинам цветы и духи, приглашаю на выставки и концерты, говорю, как они красивы и элегантны...

– Не так, не так, не так! Всё вы делаете не так!

Главреж поднялся из-за столика, его худая долговязая фигура, оканчивающаяся маленькой, похожей на птичью, головкой, выражала крайнюю степень недовольства.

– Я, конечно, понимаю, – сказал он, – сегодня тридцать первое декабря, но давайте, наконец, будем профессионалами. Репетиция есть репетиция, и выкладываться нужно до конца. Как вы считаете, Голованов?

От неожиданности Виктор вздрогнул.

– К-конечно, – запинаясь, промямлил он. – В-вы, Герман Васильевич, совершенно правы.

– Вот-вот. О чем вы, Голованов, думаете в данный момент? Знаете, что такое плохой актер? Главный вредитель в театре. С каким трудом удаётся выстроить архитектуру спектакля – а глядишь, этот актер тут как тут, готов в два счёта все разрушить. И вечно недоволен: это моя сцена, это мои заслуги, я не понят, я гениален. А сам?! В два-три года талант прогуляет, пропьёт и ходит потом в бывших гениях. А за душой уже – ничего. Ни-че-го... Ладно, репетиция окончена.

Герман Васильевич повернулся, широкими шагами промерил проход между партером и вышел из зала...

– Что это он на тебя напал? – поинтересовалась Леночка,

– Бог его знает... Говорят, у него с женой нелады.

– Это нас совершенно не касается! – заявила Серафима Степановна. – Ну, молодёжь, как собираетесь встречать Новый год?

– Мы, Серафима Степановна, ясно как. В компании большой и весёлой, – отозвалась Леночка. – А вы?

– Для весёлой компании я, к сожалению, уже не подхожу. Мы решили встречать вдвоём с мужем. Кстати, знаете, чем буду заниматься? Соберу в кучу все географические атласы, карты, глобус и после Нового года презентую какой-нибудь школе. Все, хватит. Муж ушел на пенсию, – тридцать пять лет географию преподавал, и я так решила. А то не квартира, а филиал географического музея... Ну, я пошла. Счастливого Нового года, молодёжь...

– Володя, – сказала Леночка, – чуть не забыла. Стэлла не сможет с тобой встретиться.

– Почему?

– Ну, так получилось.

– Нет, Ленка, тут что-то не так. Давай быстро выкладывай, почему это твоя подруга Стэлла не сможет...

– Ну, хорошо, – согласилась Леночка. – Скажу. Это я ее отговорила.

– Ты?

– Я. Как думаешь, приятно мне, что ты со всеми моими подругами романы крутил? В общем, так. Если хочешь встретить Новый год у меня, приходи со Светой. А если приведешь другую, не пушу. Не обижайся. А Стэллы не будет. Её уже пригласили. И не чета тебе. Хороший парень, инженер. Кстати, имеет самые серьёзные намерения. Так что промазал ты, Охотник...

– Голованов! Виктор! Еще не ушёл? – Администратор театра, скучный полноватый мужчина в модном кожаном пиджаке просунул голову в дверь, ведущую в фойе, и, найдя глазами Виктора, крикнул, – вечно какие-то бабы звонят. Смотри, последний раз зову!

Звонила Галочка из фирмы «Сервис» и после проходных «как дела?» предложила:

– Слушай, есть возможность подзаработать.

– Провести ёлку? – поинтересовался Виктор.

Дни, когда в школах, домах культуры проводили утренники с Дедами Морозами, стариками Хоттабычами, волками из «Ну, погоди», Виктор ждал с нетерпением. На них можно было подзаработать на новый айфон, модную одежду, да мало ли есть вещей, на которые не хватает зарплаты актёра второй категории.

– Нет, – сказала Галочка, – За ёлки не беспокойся. Для тебя уже три школы «замётано». Ты нужен по другому поводу. В нашей конторе ввели новую форму обслуживания. Клиент платит, а мы ему на дом доставляем Деда Мороза с новогод-

ними подарками.

– Согласен, – быстро произнёс Виктор. – Только неудобно как-то в халате и с бородой бегать по городу.

– За кого ты нас принимаешь? – рассмеялась в трубку Галочка. – У нас же солидная фирма... Забыл, на чём Деда Морозы передвигаются?

– На ковре-самолёте, что ли, – неуверенно произнёс Виктор, – или нет, на тройке, запряжённой в сани...

– Ковер-самолёт не обещаю, но машина обязательно будет. Появись, так, часа в четыре, я адреса подготовлю... Да, кстати, слышала, в вашем театре скоро премьера...

– Не волнуйся, без тебя не состоится. Считай, два билета в партер уже у тебя...

– По-моему, где-то здесь! – сказал водитель Сергей Антонович, чуть опустив стекло. Внутри машины мгновенно ворвался холодный воздух, и Виктор поёжился.

– Конечно, вон пятьдесят шестой, а за ним, значит, будет пятьдесят седьмой.

Виктор наклонился и, сквозь тронутое изморозью лобовое стекло, из-за плеча Сергея Антоновича увидел на торце скучной девятиэтажки выведенные синей краской цифры. Пятёрка была выведена аккуратно, а шестерка почему-то здорово завалилась на правый бок.

Сергей Антонович вдруг резко нажал на тормоза и Виктора качнуло вперёд.

– Надо же, чуть-чуть не сели, чёрт побери, – выругался Сергей Антонович.

Прямо перед носом их автомобиля спокойно лежала неизвестно зачем выкопанная траншея. Края ее сильно оплыли, было видно, что появилась она на свет давным-давно, может летом или даже весной. Через траншею была перекинута неширокая доска, а дальше, огибая чахлую клумбу, тянулась узкая, протоптанная в снегу дорожка.

Отогнув рукав, Виктор посмотрел на часы. Стрелки показывали восемнадцать пятьдесят шесть, до Нового года оставалось еще пять часов четыре минуты.

– Сергей Антонович, – предложил Виктор. – Да я сам дойду. Здесь близко.

– Добре, – согласился Сергей Антонович, – только давай, парень, побыстрее, а то, если я к восьми домой не попаду, старуха весёленькую жизнь устроит. Дочка-то с мужем столик в ресторане заказали, а внука к нам, понимаешь, завезут.

– Да скоро я, скоро, Антоныч. Всего один адрес остался, – успокоил его Виктор.

Придерживая полы широкого красного халата, он выбрался из машины, с заднего сиденья забрал большой, почти пустой уже мешок.

– Я пока развернусь, – крикнул вслед Сергей Антонович. – А ты уложись в десять минут. Если задерживать станут, объясни людям вежливо. Дескать, Новый год сегодня, и у всех дел под самую завязку...

Виктор осторожно перешёл по доске через траншею, переложил мешок на другое плечо и выудил из кармана небольшой листок, вырванный из блокнота. Все строчки с адресами и фамилиями были уже вычеркнуты им, кроме последней.

Оставляя крупные следы на снегу, он потопал к дому и под ярко светившим фонарем (уже стемнело) приблизил листок к глазам: «Улица Чехова, дом 57, квартира 33. Гарибянц Рафаэль». Вторая тройка в квартирном номере была написана неразборчиво, и Виктор засомневался. «Вроде, девятка», – подумал он и направился мимо сломанной песочницы, в которой одиноко скучала замерзшая снежная баба, к нужному подъезду.

Сейчас он быстренько поздравит этого Рафаэля Гарибянца, заедет домой переодеться, поймает такси и отправится к Свете. Виктор представил, как носится сейчас Светка по своей вылизанной до блеска крошечной однокомнатной квартирке, успевая одновременно делать сразу множество различных дел.

– Ты что, чокнутая, наверное, – иногда не выдерживал Виктор. – Ну скажи, для чего нужна эта стерильная чистота?

Но Света только улыбалась и пожимала плечами.

Вообще-то он привык к ней за полтора года. Привык, что в любой момент может позвонить ей в поликлинику, где она работала медсестрой. Сказать, что приедет. И после спектакля притащить кучу друзей, а Светка, радостная, что он нако-

нец появился, постелит на стол старенькую льняную скатерть и мгновенно заведёт на кухне вкуснющие пирожки с картошкой...

– Дурак ты, Голованов, – сказала ему как-то Леночка. – На твоём месте я молилась бы на такую девушку. Когда ей предложение сделаешь?

– Зачем мне молиться? – засмеялся Виктор. – Она сама на меня молится.

– Увидишь, бросит она тебя, и правильно сделает, – обозлилась Леночка.

«Ну уж нет, – подумал Виктор, – не бросит». В этом он был совершенно уверен...

Виктор подошёл к двери, поискал взглядом звонок и, не найдя, постучал. Потом прислушался. В квартире работал телевизор, и Виктор отчётливо различал знакомые слова из популярного мультфильма:

«Скажите, пожалуйста, вы не знаете, что на завтрак кушает крокодил?»

«Подойди, подойди ближе, я шепну тебе на ушко, что я кушаю на завтрак».

Наконец за дверью послышались легкие шаги, и детский голос спросил:

– Кто там?

Виктор понизил голос и внушительно произнес басом:

– Дед Мороз. С Крайнего Севера, на выюгах и метелях, прилетел я сюда узнать, слушаешься ли ты родителей, помо-

гаешь ли маме, хорошо ли учишься. И вручить новогодний подарок!

За дверью немного помолчали, потом недоверчиво поинтересовались:

– А ты правдашний Дед Мороз?

– Самый что ни на есть правдашний,

– Подожди, я сейчас, – произнёс мальчик. – Только стул принесу.

Было слышно, как к двери придвинули стул, залезли на него, и голос радостно выдохнул:

– Действительно, Дед Мороз! Я тебя в глазок вижу. Ты мне глобус принес?

– Почему глобус? – удивился Виктор.

– Потому что очень хочу глобус. Крутящийся, на котором Африка, Австралия и Гавайские острова есть.

– У меня нет глобуса, – сказал Виктор. – У меня другой подарок. Открывай быстрее!

– Не могу, меня мама заперла. Ушла на работу и заперла.

– Слушай, как же так? Твои родители вызвали меня, а дома никого.

– Почему никого. Я – дома.

– Ну, ты... не считаешься. Так и передай, что Дед Мороз приходил. А я отмечу, Гарибянцев не было дома.

– Гарибянцы в тридцать девятой живут, а здесь я, Богунов Серёжа.

– Что же ты сразу не сказал, – рассердился Виктор. – Я

с тобой, наверное, целых полчаса потерял.

И, повернувшись, он начал подниматься вверх по лестнице.

Но что-то заставило его остановиться и прислушаться.

За дверью плакали. Плакали горько, навзрыд, видимо, размазывая слезы рукавом по лицу.

И Виктор пошел назад.

– Ты почему плачешь? – спросил он утешительным дед-морозовским голосом.

– Думал, ты ушел.

– Видишь, не ушел... Значит ты Серёжа?

– Ага.

– Ребята тебя Серым зовут?

– Да?

– За что же тебя, Серый, заперли?

– Я ноги промочил, когда возле аптеки на санках катался.

– Ну это серьёзно. И долго тебе еще одному скучать?

– Не знаю. Мама сказала, как получится. Она сегодня на «скорой помощи» дежурит.

– А папа?

– Он с нами больше не живёт. У него теперь другой дом есть. И маленькая Катенька родилась... Дед Мороз, а ты волшебник?

– Немного.

– Можешь сделать, чтобы мы опять вместе жили? Папа, мама и я.

– Нет, этого не могу.

– А что можешь?

– Дарить подарки... Послушай, сколько тебе лет?

– Семь. Я уже в первом классе учусь.

– Молодец. Наверное, отличник?

– Не-а. У меня по прописям тройка. Мария Ивановна говорит, что почерк плохой и внимание разбросанное,

– Что же такой невнимательный?

– Я стараюсь. Только не всегда получается.

Виктор посмотрел на часы и сказал:

– Слушай, Серый, только не плачь. Ладно? Можешь не плакать минут десять? Как думаешь?

– Наверное, могу.

– Понимаешь, мне нужно зайти к Рафаэлю. А то к тебе Дед Мороз приходил, а к нему нет.

– Ты к нему не ходи.

– Почему?

– Он у меня книжку отобрал.

– Какую?

– Сказки Андерсена. А меня потом мама наказала. Сказала, раз не умею с книжками обращаться, то так мне и надо.

– Что «надо»?

– Я начал читать про стойкого оловянного солдатика и не закончил. Поэтому не знаю, что с ним дальше случилось,

– А почему не заберешь книжку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.